

ГЛАВА 1

16 октября 1942 года, ледник Хельхейм, Гренландия

Снежные вихри не позволяли лейтенанту СС Герману Вирту присмотреться к находке, и он помахал рукой, пытаясь улучшить видимость, а затем наклонился. Теперь между их лицами было не более фута¹. Всмотревшись в толщу разделяющего их льда, он издал сдавленный возглас.

Глаза женщины были широко открыты даже в момент ее агонии. К тому же они действительно небесно-голубого цвета — как он и ожидал. Но на этом все его надежды рушились самым катастрофическим образом.

Она буравила его взглядом. Безумным. Остекленевшим. На него смотрели глаза зомби. Этот взгляд, устремленный на Вирта из прозрачной ледяной глыбы, в которую было заковано ее тело, прожигал его насквозь.

Трудно поверить, но, упав навстречу смерти и оказавшись в глубине ледника, ставшего ее могилой, эта женщина плакала кровавыми слезами. Вирт в ужасе смотрел на примерзшие к ее лицу вспенившиеся красные потоки, струившиеся из ее глаз в момент гибели и увековеченные в смерти.

С трудом прервав зрительный контакт, он опустил взгляд ниже, на ее рот. Именно такие губы Вирт представлял себе многими бессонными ночами, дрожа от арктического холода, проникающего даже в его толстый спальный мешок на гусином пуху.

---

¹ Фут — мера длины, равная 30,48 см. (*Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.*)

Воображение часто рисовало ему этот рот. Он беспрестанно грезил о нем, представляя восхитительно розовый бутон полных уст. Он говорил себе, что это будет рот идеальной германской девушки, пять тысяч лет ожидавшей поцелуя, который оживит ее.

Она ожидала *его поцелуя*.

Но, чем больше он на нее смотрел, тем сильнее на него накатывала тошнота и отвращение, вздымавшиеся из глубины его внутренностей. Он отвернулся, и его тело сотрясли сухие спазмы. Ледяной порыв завывающего в расселине ветра хлестнул Вирта по лицу.

На самом деле ее поцелуй мог стать лишь поцелуем... смерти. Он убил бы любого, кого эта дьяволица заключила бы в свои объятия.

Рот женщины покрывала толстая красная корка исторгнутой ею и запекшейся в зловещий слой крови. Она вмерзла в лед перед ее лицом, подобно жуткому развешиваемому похоронному савану. А находящийся над ртом нос также извергал лавину алой жидкости, и это вечное в своей неподвижности кровотоечение вселяло в душу лейтенанта леденящий ужас.

Он опустил глаза ниже, скользя взглядом по ее застывшей обнаженной плоти слева направо в поисках причины, заставившей эту древнюю женщину сорвать с себя одежду, проползти по льду и свалиться в рассекающую ледник расселину. Ее падение прервал ледяной карниз, где она в считанные часы и сама превратилась в лед.

Она сохранилась идеально... но была бесконечно далека от идеала.

Вирт едва верил своим глазам — даже на подмышках ледяной женщины проступили крупные капли алой жидкости. Прежде чем умереть — уже умирая, — эта так называемая нордическая богиня-прародительница покрывалась кровавым потом, с каждой каплей которого ее покидала жизнь.

Он позволил взгляду переместиться ниже, холодея от ужаса при мысли о том, что ему предстоит увидеть. И не ошибся. Густая застывшая красная пена покрывала нижнюю часть ее тела. После падения в расселину сердце женщины еще какое-то время

продолжало биться, а лоно изливало густые потоки разлагающейся крови.

Вирт отвернулся, и его стошнило.

Содержимое желудка мужчины выплеснулось сквозь металлическую сетку клетки, исчезнув в черноте бездны под ним. Спазмы сотрясали его тело, пока желудок не опустел, но рвотные позывы не сменились судорожными, мучительно-болезненными вздохами.

Цепляясь пальцами за сетку, он с трудом встал на ноги. Затем, подняв голову, посмотрел на яркие огни прожекторов, которые заливали мрачную ледяную пропасть безжалостно ослепительным светом и превращали ее стены в безумный калейдоскоп застывшего цвета.

Так называемая Вар Каммлера — его возлюбленная древняя нордическая принцесса... гм-м, она ожидала генерала во всей своей красе!

Генерал СС Ганс Каммлер... Вирт пытался понять, что он ему скажет... и главное — покажет. Знаменитый командующий СС прилетел сюда из Германии специально для того, чтобы присутствовать при ее славном высвобождении из льда, а также убедиться в возможности воскресения женщины, чтобы затем лично доложить об этом Фюреру.

Отрапортовать, что мечта Гитлера наконец-то осуществилась.

А теперь вот это.

Вирт заставил себя снова посмотреть на труп. Чем дольше он его разглядывал, тем в больший ужас приходил. Казалось, тело ледяной девушки объявило войну самому себе, как будто отвергнув свои собственные внутренности, исторгнув их из всех своих отверстий. Если она умерла вот таким образом и ее извергнутые кишки и кровь застыли во льду, она, видимо, довольно долго испытывала кровопотерю, оставаясь при этом в сознании.

Вирт больше не верил, что ее убило падение в расщелину. Или что она умерла от холода. Какая-то неведомая древняя дьявольская болезнь стиснула женщину в своих демонических объятиях, вынудив брести, спотыкаясь и падая, а затем и ползти по леднику.

Но плакать кровью?

Рвать кровью?

Потеть кровью?

Даже мочиться кровью?

Что, во имя всего святого, могло все это вызвать?

Что, во имя всего святого, убило ее?

Эта женщина была бесконечно далека от фигуры арийской матери-прародительницы, на которую они все надеялись. Он нашел отнюдь не нордическую богиню-воительницу, снившую ему бесчисленными ночами и призванную подтвердить славную арийскую пятитысячелетнюю родословную. И не древнюю мать нацистских *Übermensch* — идеальную белокурую голубоглазую скандинавскую представительницу слабого пола, спасенную из прошлого, недоступного современной истории.

Гитлер так долго жаждал подобного доказательства.

А теперь вот это — дьяволица.

Всматриваясь в ее искаженные черты — эти пустые выпученные глаза, окруженные коркой засохшей крови, устремившие на него остекленевший взгляд живого мертвеца, он вдруг отчетливо, с ужасающей ясностью осознал: перед ним зияет пустой проем распахнутой двери в ад.

Вирт шархнулся, попятившись от ледяного трупа, и, подняв руку, начал отчаянно дергать за сигнальную веревку.

— Наверх! Поднимайте меня наверх! Наверх! Заводите лебедку!

Где-то вверху взревел, ожив, двигатель. Вирт ощутил, как клеть дернулась и пришла в движение. Она начала подниматься, и жуткая кровавая ледяная глыба скрылась из виду.

Едва показавшееся над горизонтом солнце окрашивало в розоватый цвет продуваемую всеми ветрами и скованную морозом заснеженную поверхность ледника. Сгорбленная фигура Вирта возникла над поверхностью. Он с трудом выбрался из клетки и шагнул на утрамбованную застывшую белизну. Замершие по обе стороны часовые попытались щелкнуть каблуками, приветствуя его появление. Но их тяжелые ботинки на меху с замерзшим на резиновые подошвы толстым слоем льда издали только глухой стук.

Вирт нехотя взмахнул рукой в приветствии, не в силах оторваться от мучительных размышлений. Он ссутулился еще больше, плотнее запахивая капюшон комбинезона в тщетной попытке защитить онемевшее от мороза лицо, и зашагал к ближайшей палатке, преодолевая порывы завывающего ветра.

Свирепые шквалы отчаянно хлестали струйку черного дыма, выходящую из трубы, торчащей над крышей палатки. Плиту уже растопили, и, вне всякого сомнения, его ожидал сытный завтрак.

Вирт подумал, что трое его коллег-эсэсовцев уже наверняка проснулись. Они всегда вставали рано, а сегодня им и вовсе предстоял день, когда ледяная принцесса должна была восстать из своей могилы, отчего они с удвоенным нетерпением ожидали рассвета.

Изначально здесь находились два его товарища по СС — первый лейтенант Отто Ран и генерал Рихард Дарре. Затем совершенно неожиданно и безо всякого предупреждения на самолете, оснащенном полозями, прилетел генерал СС Ганс Каммлер, намереваясь присутствовать на финальной стадии этой грандиозной операции.

Предположительно всей экспедицией руководил генерал Дарре, но все прекрасно понимали, что реальная власть находится в руках генерала Каммлера. Он был человеком Гитлера. Имел влияние на Фюрера. И, честно говоря, Вирта привела в восторг мысль о том, что генерал станет свидетелем его величайшего триумфа.

Тогда, сорок восемь часов назад, перспективы казались совершенно радужными. Их ожидало идеальное завершение невероятно амбициозного предприятия. Но сегодня утром... У Вирта абсолютно не было настроения наслаждаться рассветом, завтраком или обществом своих братьев-эсэсовцев.

«Что я вообще тут делаю?» — задавался он вопросом. Вирт позиционировал себя как ученый, посвятивший свою жизнь изучению древних культур и религий. Именно это изначально и привлекло к нему внимание Гиммлера и Гитлера. Фюрер лично присвоил ему номер члена нацистской партии — поистине редкая честь.